

Два письма Александру Тургеневу

Оригинал здесь: <http://realletters.narod.ru/>.

1815. февраля 1-е, < Москва >

Ответ на *все* твои письма. Наконец имею свободную минуту и могу с тобою говорить на просторе. За твой хлопоты о моем "Послании" не ну ж во мне, кажется, тебя благодарить. Чувствую по себе, как тебе это весело. И ничто меня так не радует, как то, что ты был *чтецом* моего "Послания". Слава - доброе дело, а слава из рук друга есть сокровище. Эта слава есть счастье, и в ней" право, самолюбие мало участвует. Она напоминает о любви, о товариществе и приобретается лучшими наслаждениями, то есть уединенным трудом, который успокаивает и возвышает душу. Такая слава есть награда всего *доброего*. А я себе часто говорю (не знаю только, буду ли в состоянии исполнить): "Живи, как пишешь!" То есть и в том и другом одинакая цель и одинакое совершенство. Чтобы *человек моральный* не был несхожен с *человеком с талантом*. Самые замечаемые мною ошибки и замечаемые другими ошибки в том, что я написал, только пробуждают во мне надежду написать что-нибудь лучшее, а нимало не отымают у меня бодрости. Думая о тех немногих людях, которые на меня смотрят, которые меня любят и мною радуются, я сам радуюсь, что имею талант, и мысль об них ободряет меня. Если вы не дадите мне счастья вашей дружбою, то часто, часто заставляете забывать тяжелое горе, тем более тяжелое, что оно скрытное и нередко бывает самое унижительное. Мне часто бывает нужна помощь извне и от руки милой, чтобы о себе вспомнить и не совсем упасть духом. Ты спрашиваешь у меня в одном письме, что причиною возобновившейся во мне надежды? Брат, я говорил не об надежде. Впереди не вижу для себя ничего доброго. То, что мне нужно, едва ли когда сбудется. Жаль, что мы не вместе: на письме всего не скажешь, а сказать бы *все* надобно. Прошедший год был для меня весьма бурный. Ты уже знаешь, что я писал к Арбеновой, вообразив, что она, имея влияние на образ мыслей матери, может склонить ее на мою сторону. В этом я ошибся. Она сперва воспламенилась было весьма сильно; потом монах все расстроил, испугал ее богом и чертом, и она написала к матери против *меня*. Это произвело между ею и мною объяснение, и мы было расстались. Воейков вошел в семью, а я из нее вышел. Я писал к матери несколько раз и наконец требовал, чтобы, если уже не может всего сделать, по крайней мере сделала бы все, что в ее власти; что я отказываюсь от всякого требования, не согласного с ее образом мыслей, с тем только, чтобы мы были вместе, чтоб я пользовался полною доверенностью, мог быть счастлив *в семье*, не был розно с нею. Напротив - имел бы всю возможную с нею свободу, не был принужден ничего таить, тем более что ей (то есть матери) известно все и что большего, при полной доверенности, она бояться не может. Это обещание, как ни трудно, я мог бы исполнить. Я люблю Машу (с тобою можно дать ей это имя), как жизнь. Видеть ее и делить ее спокойное счастье есть для меня все, и для нее также. Но характер матери не таков. Она не может возвыситься до этой чистой, благородной доверенности, на которую и я и Маша имели бы полное право, если бы только не принуждены были беспрестанно скрывать того, что у нас в душе. Одним словом, мать согласилась, чтобы мы опять были вместе; но тех условий, на которых это вместе было бы для нас счастьем, она не держит и едва ли способна сдержать. Брат, мы живем *вместе*, а между нами бездна недоверчивости. Христианство (по ее словам) заставляет ее отказать нам в нашем счастье, а того, что составляет характер христианки, она не имеет, той любви, которая заботится о чужой судьбе, как о собственной. Каждая минута напоминает мне только о том, чего я лишен, нет никакого вознаграждения. На нашу потерю смотрит она холодными глазами эгоизма. Нет никакой отрады. Мы не можем подойти друг к другу свободно. Это положение ужасно, а выйти из него нет силы. Боже мой! Я не могу хотеть и искать своего отдельного счастья. С вами, с друзьями сердца, с верными товарищами жизни, я был бы счастлив: то есть и уважал и делился бы всем, что есть хорошего в душе, без всякого принуждения; не было бы ужасной, противной сердцу необходимости носить на лице маску, - словом, я был.

Как мне жаль, что я в проезд мой в Дерпт с тобою не увижусь. Но буду непременно в Петербурге в марте или вначале апреля. *Все они* уехали уже в Дерпт, а я остался еще дней на 10 в Москве. Не заеду в Петербург теперь оттого, что хочу скорее их увидеть и узнать, каково они доехали/ Я отпустил их не совсем здоровых. Но в марте буду у тебя непременно. Ты между тем думай обо мне. Если можно, представь мое положение государыне в настоящем его виде. Может быть, дерптская жизнь моя будет лучше, нежели как я себе ее представляю. Но если она будет такова, какою мне видится в иные минуты, то и я и Маша пропадем. Прощай тогда и талант и слава! Хорошо, когда бы можно было сказать, без неблагодарности: "Прощай и жизнь!" Так и быть! Поверяю судьбу свою дружбе.